

ЗАСЛОН

Литрес

ЕЛЕНА ЧАРА ЯНОВА
LIFETIME

Елена Чара Янова

Lifetime

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69282973

SelfPub; 2023

Аннотация

Лилия – талантливый астронавигатор, и именно ей поручено доставлять на орбиту детали для первого в истории человечества межгалактического шаттла. Иван – консультант по безопасности проекта «Андромеда». Они оба считали, что жизнь непредсказуема, и вместе с тем – подконтрольна человеку. Но сама жизнь всегда считает иначе.

Содержание

Елена Янова

Lifetime

You were the one that
I wasn't supposed to lose

I thought I'd have you for my lifetime

Have you for a lifetime...
(Three Days Grays «Lifetime»)

– «Но что страннее, что непонятнее всего, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты, признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю», – процитировал студент Гоголя, иллюстрируя доказательства своей правоты. Он сидел на краю длинной парты-пюпитра, обрамляющей полумесяцем верхний ряд скамей амфитеатра в малом лектории Межпланетарного университета и болтал ногой.

Его оппонент, ничуть не смутившись, парировал:

– Да какая разница, как обыгран сюжет, если в основу все равно положены биография и классический мономиф¹. Путь

¹ Segal, Robert. Introduction: In Quest of the Hero // In Quest of the Hero / Robert Segal, Lord Raglan, Otto Rank. – Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1990.

героя, все дела...

– Чего обсуждаем? – запыхавшись, бросила сумку на парту их одногруппница и, неизящно плюхнувшись на скамью, постаралась непринужденно откинуть назад прядь волос, переводя дыхание. – Фух! Чуть не опоздала...

– Документалка вышла. Про Лилию Страйз, – нехотя пояснил один из спорящих. – Я говорю, что события значительно искажены и не соответствуют фактам, а он, – покопавшись студент в сторону второго спорщика, – утверждает, что из ее истории сделали пропагандистский политизированный материал, но против истины особенно не погрешили.

– Так вы об одном и том же спорите, – улыбнулась студентка. – Что так, что так она большое дело сделала, и, естественно, в таких случаях будут спекулировать на образе и манкировать фактами. Эй! Ты что, дурак?

В ответ ей в волосы прилетел еще один комочек жеваной бумаги: симпатичный типчик из параллельной группы уже не раз обстреливал приглянувшуюся студентку. Впору решить, что он еще из ребячества не вырос: ни «здрасьте», ни «пойдем погуляем». Еще б за косички дергать начал!

Она возмущенно фыркнула, отвернулась и принялась выкладывать на парту голопланшет, миником и ручку с тетрадкой. Техника техникой, а лекцию лучше записывать вручную, по старинке. Так запоминается легче.

Спор одногруппников продолжился, слившись с привычным предлекционным гулом: на третьем ряду кто-то настой-

чиво клянчил у одногруппника лабораторную по биомеханике, чтобы перед семинаром перекатать, авось, сойдет. На четвертом парень лениво перелистывал конспекты по криптозоологии, в то время как его сосед их же лихорадочно читал, сдвинув брови и поджав губы. На шестом и предпоследнем рядах кипел ожесточенный спор, что крепче, кулак или челюсть с точки зрения биомеханики удара и характеристик костной ткани челюсти и фаланг пальцев, и участники дискуссии активно порывались после пар пройти и проверить теорию на практике. На галерке пытались повторить недавнюю феерическую партию меандрового такена – или, попросту, трехмерных пятнашек – Космического Пятиборья, где неизвестная всем команда уделала чемпионов последней пятилетки².

Словом, жизнь текла своим чередом, если бы не одно «но». Русоволосая девушка вошла в аудиторию, окинула всех невидящим взглядом, осторожно села за второй ряд амфитеатра, застыв одиноким осенним листом, что вот-вот сорвется с ветки, и, не в силах больше сдерживаться, упала головой на руки. Копна волос рассыпалась по плечам, бережно прикрывая их вздрагивания.

– Ты не знаешь, что с Олькой? – осторожно поинтересовались у студентки спорщики.

– Чего тут знать, – фыркнула она, выковыривая бумажный

² Об этих событиях узнать можно здесь: <https://www.litres.ru/book/elena-charapanova/kamen-nozhnicy-bumaga-statisticheskij-oblom-67718954/>

снаряд из прически. – У нее ж парень – военный. Опять отправляют или к Первому, или ко Второму, или к Третьему, контрабандистов ловить. Небось, опять с ним поругалась и переживает.

– А-а-а... Понятно.

Раздалась мелодичная трель звонка. Студенты равномерно распределились по местам, разложили планшеты, тетради, ручки, миникомы. Русоволосая волна на втором ряду осталась недвижимой. Оттуда слышались лишь еле уловимые вздохи и всхлипывания.

Аудитория прошелестела шепотками, смешками, подколками и смолкла: зашел лектор. Пожилой, седой, усатый, немного сгорбленный, с тростью, на которую опирался, прихрамывая, в классическом костюме-тройке с бабочкой.

Ивана Ефремовича студенты уважали. Не любили, нет, но слушали беспрекословно и тихо. Было в нем что-то... дисциплинирующее. Вот и сейчас лекция потекла по наезженным рельсам:

– Добрый вечер, уважаемые слушатели. Понимаю, что лекция у вас последней парой, тем не менее, прошу уделить мне достаточное количество внимания. Коснемся мы сегодня основ теории резонансной космонавтики, тем более что в прошлом модуле мы с вами разбирались в разнице евклидовой геометрии и классической релятивистской механики вкуче с общей теорией относительности, и того, как понима-

ли пространство Риман, Финслер и Минковский³⁴⁵. Если коротко и просто: наша Вселенная устроена анизотропно, наш мир нелинеен и многомерен. И если брать обычное трехмерное пространство, то мы никогда не преодолели бы скорость света. И такие чудеса, как пять колонизированных планет, были бы невозможны. Однако, если брать финслерову геометрию, и представить, что нелинейными параметрами может обладать вообще все, включая и время, и добавить сюда постулат о пятой силе, то бишь квинтэссенции⁶, что позволила нам отчасти приручить гравитацию и немного подвинуть с пьедестала Эйнштейна, то мы получим вот что...

Быстрыми движениями лектор набросал на планшете трехмерную сетку ромбододекаэдров, которая спустя мгновение повисла перед студентами голографической проекцией.

– Это – примерная структура нашей Вселенной. Она вся

³ Бронников К.А., Рубин С.Г. Лекции по гравитации и космологии. – М., 2008. – Электронный ресурс: https://timofey.pro/static/pdfdocs/018_Mephi_Cosmology.pdf

⁴ Риманова геометрия – Википедия. Электронный ресурс. Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.4b7956a9-646a85cd-d400cc9a-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Riemannian_geometry

⁵ Гарасько Г.И. Начала финслеровой геометрии для физиков. – М.: Тетру, 2009. – Электронный ресурс: https://digitalphysics.ru/pdf/Nachala_finslerovoi_geometrii_dlya_fizikov_-_Garasko-G-I.pdf

⁶ Пятая сила. – Википедия. Электронный ресурс. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%8F%D1%82%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B0

похожа на пчелиные соты, заполненные вязкой темной материей, а вот силовые линии на их стыке, что соединяют звезды, планеты, их спутники и прочие стабильные объекты мира между собой, носят название резонансной сетки. И именно в этих линиях восьмиполостные гиперболоиды пространственно-временных плоскостей соприкасаются друг с другом, и сами понятия времени и пространства как таковые утрачивают смысл, зато на сцену выходит, как ни странно, музыка. Как совершенно справедливо полагал Кеплер, каждый объект во Вселенной имеет свой, если можно так выразиться, уникальный голос, музыкальную фразу, встроенную в симфонию бытия⁷. И резонансный двигатель, настраиваясь на инфра-инфразвуковые частоты расчетной точки, «раскачивает» шаттл до полного совпадения с ее ритмикой, чтобы по силовым линиям резонансной сетки совпасть с этими частотами. И вот – вуаля! – мы видим, как у нас прямо на глазах рассыпаются и исчезают многоцветные искры, а у незнакомой звезды в то же мгновение возникает наш межзвездный транспорт, что в конкретный момент времени за счет квантовой сцепленности⁸ и умения всего существующего быть одновременно и физической материей, и волной, становится просто песней, путешествующей по силовым струнам галак-

⁷ Koyre A. Kepler et l'astronomie nouvelle // Koyrë A. La révolution astronomique. – P., 1961. – P. 119-458.

⁸ Одноэлектронная Вселенная. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://naked-science.ru/article/nakedscience/zhivem-li-my-v>

тик. В самом-то деле, если брать в расчет теорию одноэлектронной Вселенной и электронной сингулярности, то почему бы не перевести этот волновой дуэт из микромира в макрокосм? А теперь посмотрим, как доказывают эту прекрасную теорию физики...

Лекция потекла своим чередом. Перед студентами возникли ряды формул, и аудитория сонно погрузилась в привычное математическое журчание. Вскоре внимание студентов растеклось по вязкой монотонной речи лектора и тишине лекционного зала. Галерка принялась сонно позевывать, третий ряд под шумок потихоньку выполнял мозгодробительную лабораторную по биомеханике, первые ряды ожесточенно записывали, и только тяжелые вздохи и судорожные всхлипы на втором ряду становились все отчетливее и заметнее.

– Ольга Вячеславовна, почему у вас столь гнетущее расположение духа? – поинтересовался лектор, более не желая игнорировать диссонансную ноту занятия.

Студентка приподняла голову, шмыгнула носом и наскоро утерла с покрасневших щек и припухших век злые слезы. Но они, упрямые, не унимались, и все продолжали и продолжали литься против ее воли. Преподаватель смотрел на студентку в ожидании ответа, а Оля молчала: горло сдавил спазм стыда, да и к тому же, кто в здравом уме будет выносить боль и обиду на поживу сотне человек?

Но шила в мешке не утаишь. С галерки поднялась рука, и

ее одноклассница пояснила:

– Иван Ефремович, она с женихом поругалась.

– О, простите, милая, – понимающе кивнул лектор. – Вы можете выйти, если хотите, или посидите вместе с нами, успокойтесь, глядишь, и найдете варианты примирения. Вселенная многомерна, а человек, пожалуй, посложнее устройства резонансной сетки.

Оля, покраснев, всхлипнула еще отчаяннее, дернула плечами и мотнула головой: да где там, какое примирение, когда все вокруг падает и рушится?

Иван Ефремович вздохнул. У молодежи всегда так: что ни происшествие, то обязательно мирового масштаба. Поспорились – так навсегда, помирились – так на всю жизнь. Он попытался утешить студентку:

– Оленька, вы не сжигайте мосты раньше времени. Поверьте мне, все решаемо, кроме...

Ольга, не выдержав душевных терзаний, прервала лектора:

– Рома военный! Там кроме приказов ничего не решаемо!

Иван Ефремович почти воочию видел, как душист Олю изнутри горькая несправедливость и едкая желчь влюбленности: почему человек, что занял все ее сердце, отдал ей взамен только половину своего? Почему на первом месте должен быть долг и честь – и только потом любимая? Ведь он не врет, любит ее, она знает наверняка. Почему нельзя отыскать работу поспокойнее, разве в мире, где помимо Земли

заселены еще пять экзопланет, где вместо войн есть Межмировое правительство, где люди, сплотившись, победили мировой экологический кризис шестого парникового вымирания⁹ – есть место опасности и смерти? А выходит, что есть. Как же лектору это было знакомо...

Иван Ефремович помедлил, окинул взглядом аудиторию, поморщился, словно решаясь на что-то. И нехотя произнес:

– Отложите в сторонку ваши ручки и планшеты. Я вам расскажу одну историю... Но давайте договоримся, что вы, скажем так, не будете ее афишировать и тиражировать.

Он дождался легкого одобрительного гула, прикрыл глаза, собираясь с мыслями, и вышел, прихрамывая и опираясь на трость, из-за кафедры в центр лектория.

– Знаете, в старых двухмерных фильмах есть один заезженный штамп. Когда погибает второстепенный персонаж, который должен был умереть по сюжету, причинив душевные муки главному герою или героине, то они, герои, очень агрессивно к смерти относятся. Всегда кричат что-то вроде «Да как ты мог!» или «Нет, только не ты!», и все в таком духе. Я всегда думал, что это глупо. Выбор каждого всегда остается его выбором, даже если другого человека он печалит и сердит. Но потом я понял, что порой принять этот вы-

⁹ Голоценовое вымирание. – Википедия. Электронный ресурс. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D0%B2%D1%8B%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5

блор – самая сложная в жизни штука.

Студенты негромко начали переговариваться, обсуждая постулаты лектора, Оля притихла и прислушалась, сведя брови к переносице. Она пока не понимала – полезно ли будет то, что им расскажет лектор, или это просто приправленные толикой психологии нравоучения.

– Мы вот с вами легко обсуждаем резонансную космонавтику. Словно она была всегда, – усмехнулся Иван Ефремович. – А ведь еще два-три века назад кроме эфемерных предположений о многомерности Вселенной не было и зачатка оптимизма касательно того, сможем ли мы хотя бы до ближайшей звезды добраться. Вспомните, сколько было трагедий и ошибок. Аполлон-один, Союзы, первый и одиннадцатый, Челленджер, катастрофы на Плесецке и Байконуре... Это только верхушка айсберга истории покорения космоса. Но что с современностью? А с современностью не лучше. Вспомните историю семерых, что первыми решили войти в резонансное пространство без анабиотического сна. Их гибель не была напрасной, мы теперь знаем, что резонировать со Вселенной в сознании нельзя. А последний случай, тридцать лет назад?

– Вы про Лилию Страйз? – послышался заинтересованный голос с галерки.

– Именно, – кивнул лектор, откашлялся, расправил плечи, и перед студентами возник человек, которого они никогда не знали. Военная выправка, уверенная статья, емкие ко-

роткие слова. – Три десятилетия назад человек подумал, что завоевал космос. Мальчишки и девчонки повально хотели переехать в Первую колонию или во Вторую. И когда стартовал проект «Андромеда», только ленивый или бедный не вывел на орбиту Земли жидкостные линзы оптических телескопов¹⁰, чтобы посмотреть: правда ли в галактике Андромеды есть потенциально пригодная для жизни планета? Точно ли надо туда снаряжать межгалактический резонансный шаттл? А что, если в расчетах ошиблись? Другая галактика, как ни крути. Но ни задора, ни смелости человечеству всегда было не занимать, что тогда, что сейчас. Вот и стала культовой героиней Земли и двух (на тот момент) миров она. Лилия Страйз.

Иван Ефремович опустил взгляд, помолчал, хмыкнул и ударил об пол тростью в подтверждение своей решимости поведать эту историю.

– В недавнем документальном фильме, конечно, вам рассказали, что она была одержима космосом всегда. Что она спала и видела, как тащит на орбиту детали для межгалактического шаттла. Да только вы сами предположите: кто был бы до такой степени фанатично предан своей работе?

Лектор обвел аудиторию взглядом. Студенты, сбитые с толку, звенели мнениями, сводившимися к одному: да ни-

¹⁰ Телескопы с жидкими линзами: как это работает // Элементы. – Электронный ресурс. Режим доступа: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/433113/Teleskopy_s_zhidkimi_linzami_kak_eto_rabotaet

кто.

Иван Ефремович вздохнул и продолжил:

– И вы в корне неправы. Она – была. Родилась Лилия во втором, Нью-Йоркском мегалополисе, но девчонкой переехала сюда, в наш Девятый, Московский. Училась здесь, в Межпланетарном университете, получила диплом инженера-астронавигатора. Была она рыжая и смешливая, озорная и серьезная, нос в веснушках, а глаза – серо-зеленые, из которых выпрыгивали сумасшедшинка и смешинка. Я работал с ней, потому и знаю, – упредил вопросы лектор. Аудитория, начавшая было шуметь, смолкла.

– Детали для «Андромеды» создавали здесь, на Земле. Она водила транспортник с космодромов на орбиту, доставляла груз наверх. В атмосфере межгалактический шаттл не создашь, он попросту не взлетит, вы же понимаете. Кроме нее работали еще четыре транспортника, но процент ошибок был чересчур высок: только каждая пятая поставка деталей добиралась на место. Не учитывали погрешность на вес и конфигурацию груза, на расчет топлива, на траекторию полета. Нет, астронавигаторы не гибли, – снова опередил вопросы Иван Ефремович. – И кто бы что ни говорил, никакого правительственного заговора тут нет, и не было. Прогнозные нейросети работали, как часы, и всегда успевали сажать неверно стартовавший транспортник обратно на космодром. У Лилии же ошибок практически не было. К любому делу нужен талант, горящее сердце, чуткая интуиция и холодная

голова, а у нее этого добра было в избытке.

– А как вы познакомились? – задал вопрос один из студентов с галерки.

Иван Ефремович улыбнулся, оперся на трость и коротко ответил:

– Я тогда был старшим лейтенантом Объединенного астродесанта, вторая астродесантная дивизия, отдельная первая разведрота спецназначения «Альфа». Мы контрабандистов с Первого и Второго гоняли. На Первом богатеи обожали себе мегафауну заказывать. Подумаешь, гомотерии¹¹, кошечки с зубами длиной с мой локоть, экзотика же. На Втором особенной такой экзотики не было, но ресурсы воровали почему зря, тоже наша зона ответственности. И вот зовут меня в Центр управления полетами Восточного космодрома, мол, консультация нужна. Я ранение лечил, – Иван Ефремович выразительно постучал тростью по левой ноге, а Ольга, широко распахнув выразительные карие глаза, вытянулась в струнку, неотрывно слушая лектора. – А мои сослуживцы на задании были, вот и выходило так, что я один мог степень опасности оценить. Вломаются ли контрабандисты в новый мир, как им помешать, не саботируют ли проект. Так и познакомился. Она мне под ноги попалась, я-то не в курсе был, кто это, решил попросту у рыженькой дорогу к началь-

¹¹ Гомотерии – род вымерших саблезубых кошек. Википедия. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B8>

ству спросить...

Лектор на минутку застыл, задумавшись. Студенты молчали, не смея перебивать.

Когда тебе поперек левого бедра прилетает струя жидкого никеля, выпущенного из магнитной гидродинамической снайперки¹², приятно мало. Еще менее приятно, сцепив зубы, экономить каждый вдох, потому что пока бой не закончился, ты – априори балласт. Это не планетарная поверхность, где раненого можно оттащить в сторону: если здесь, в космосе, из лучших побуждений пнуть человека прочь с траектории огня, то потом ты его никогда больше не увидишь.

Свой запас расплава никеля Иван израсходовал на противника, а, пока тяжелая экзоброня заращивала пробой анаэробным адгезивом¹³, воздуха утекло порядком. И единственное, что он мог сделать – тихо шипеть в шлем, не отвлекая соратников, стараясь сохранить призрачный шанс не задохнуться до конца битвы, да регулировать свое положение маневровым ранцем, чтоб не зацепило еще раз.

¹² Первая электромагнитная пушка Гаусса. – Википедия. Электронный ресурс. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/GR-1_ANVIL

¹³ Башкирцев В.И., Посеренин С.П., Башкирцев Ю.В. Использование анаэробных адгезивов для восстановления оборудования на предприятиях бытового обслуживания // сервис в России и за рубежом, 2014. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-anaerobnyh-adgezivov-dlya-vosstanovleniya-oborudovaniya-na-predpriyatiyah-bytovogo-obsluzhivaniya>

Повезло. Не так уж многим в его разведотряде так фартило. Да вот к добру ли оказалась такая удача? Иван месяц лежал в закрытом военном госпитале Первого мира, пока врачи не сочли, что его можно отправить на Землю. Все-таки ожоговый шок, локальный некроз мышечных тканей, хорошо, что ногу удалось сохранить... и плохо. С бионическим протезом нового поколения можно было бы на службе восстановиться, а вот с хромотой сохранной ноги – нет. Но не отпиливать же конечность ради работы!

Астродесантник оказался крепким, физически и психически. Он беспрекословно принял вердикт медиков, а вместе с ним – трость. Пряча глаза, на ней выжгли свои отпечатки все его сослуживцы, а Иван попросил у командира только одного: куда угодно, когда угодно, как угодно, но только не в резерв.

Командир не обманул. И вскоре Иван со всех сторон разглядывал повисшую в середине его небольшой квартирке на пятьдесят пятом уровне Московского мегалополиса голограмму приглашения на работу. Специальный консультант по вопросам безопасности проекта «Андромеда». Явиться в Центр управления полетами космодрома «Восточный» через двое суток.

Спустя два дня Иван медленно хромал, опираясь на трость, по длинному светлому коридору без дверей. Он надеялся, что охранник, указавший направление, куда следует идти, хотя бы призрачно знаком с устройством собственного

режимного объекта, и в итоге Иван идет в нужную сторону.

Сосредоточившись на больной ноге и невеселых мыслях о будущем, он перестал контролировать обстановку. И спустя пару секунд поплатился: некий subtilный человеческий организм с размаху налетел на него, что-то бормоча под нос.

– Уй! – сдавленно прошипела мелкая девчушка, ткнувшись военному носом в грудь, а ногой ударившись о его трость. Куда она идет, рыжая пигалица, судя по всему, не видела, как не видела никого, кто попался ей на пути: слишком занята была своими мыслями. Окружающие привычно уворачивались, а Иван не успел.

Он хотел было сказать что-то более предметное и детальное, потому что трость это недоразумение у него из руки выбило, а на больной ноге стоять было крайне неприятно. Но сдержался. Не при даме, даже если она дворового драного котенка напоминает, а не астронавта. Цепкий натренированный взгляд сразу отметил темно-синий комбинезон инженера-астронавигатора и быстроту бега по коридорам: посторонние так в пространстве закрытого для лишних глаз учреждения не ориентируются.

– Если вам не очень сложно, подайте, пожалуйста, трость, – контролируя боль, попросил Иван. – И подскажите, в какую сторону здесь идти, чтобы найти Центр управления полетами?

– Вам туда. А зачем вам эта палка? – махнула рукой и

бесцеремонно поинтересовалась рыжая, нагибаясь, поднимая трость и внимательно ее разглядывая.

– Вы не поверите, – неожиданно для себя разозлился Иван, – жить нормально без нее не могу. Так отдадите, или как?

Девушка промолчала, испытующе глядя на военного. Иван вспыхнул, дал мысленно сам себе пощечину: вот еще, перед первой встречной унижаться! Выпрямился, отвернулся и, сделав три шага в предполагаемую сторону ЦУПа – два здоровой ногой, один больной – оперся о стену. Может, бросит трость и уйдет? А он как-нибудь сам справится.

– Что ж ты сразу не сказал, – подхватила его за локоть пугалица и вручила трость. – Я думала, тебе просто пофорсить приспичило... Форма, погоны, в спину черенок от лопаты воткнули, кто вас знает, военных, может, у вас это часть образа, и у тебя там клинок спрятан.

– Я сказал, – перевел дыхание Иван. – А тебе надо поменьше глупостей слушать и смотреть. Думаешь, раз я в форме, то мне мозг автоматом отключили?

– Ты... Ты прости, – смутилась рыжая. – Я порой себя веду, как козодой: глаза выпучила, пасть раскрыла и лечу, куда глаза глядят. Давай я тебя провожу?

– Давай, – оттаивая, согласился военный. – Меня Иван зовут.

– А я Лилия. Лилия Страйз. Может, слышал?

– Так вот, я спросил, она и показала, – после минутной паузы встрепенулся Иван Ефремович. – Я потом долго за ней наблюдал. Делом она была увлечена целиком и полностью. Делом, что полагала важнейшим для всего человечества. Каждые три дня, почитай, на орбиту Земли летала, все новостные каналы за ней следили, потому что всем интересно было, что из «Андромеды» выйдет, а она стала, как это в маркетинге принято говорить, лицом проекта. Согласитесь, всегда интереснее за человеком наблюдать, а не за стройкой или цифрами.

Студенты одобрительно загудели, и кто-то со средних рядов, осмелев, спросил:

– А вы и Майских знали?

– Сегуна-то? Конечно, – с озорством и вызовом усмехнулся в усы лектор.

Малая лекционная аудитория обратилась в слух. Иван Ефремович негромко рассмеялся.

– Этого вам ни в какой документалке не расскажут. Сергей Николаевич Майских, руководитель проекта, был человеком ответственным, пунктуальным, дотошным и очень обязательным. Если бы он мог самолично проверять все отчеты телеметристов, связистов, баллистиков, космотехников и алгоритмы работы прогнозных нейросетей – он бы так и делал. Собственно, мы его за внимательность и въедливость так и прозвали: «Самый Главный Начальник», потом стали

сокращать до «СГН». Потом, с легкой руки Лилии, он стал Сегуном. Собственно, истинным самураем он и был, потому что меня умудрялся терпеть, да еще и слушался порой. А я... Я для всего проекта в первые месяцы моего нового назначения стал одновременно мошкой, залетевшей в глаз, занозой в подъеме ступни и ночным комаром: зудит, болит, свербит, а просто так не достать. Пробои в безопасности проекта тогда казались мне критически ужасными, и я кошмарил всех подряд, включая и Сегуна, и Лилию. Но ничего, мы сработались. Потом, где-то на триста тридцать восьмой полет, она замуж вышла, да только не пожелала фамилию менять. Шутила, что фанаты узнавать перестанут, но я-то знал: директиву сверху спустили, мол, пусть будет птицей свободного полета. А ей слава была до лампочки, она только обижалась, что супруга обошли. Но и мужу эта слава сто лет не нужна была. Пусть кем хочет и как хочет летает, лишь бы домой целая вернулась.

– Как это, замуж? – всполошилась аудитория. Ни о каком муже ни в документалке, ни в учебниках ни слова не было и в помине.

– Как-как... Как обычно люди браки заключают, – хмыкнул с иронией Иван Ефремович. – Влюбились, признались. Белое платье, кольца, брачный контракт с биометрической подписью в личной карточке. Правда, вместо обычной съемки объемника на краю барьера на восьмидесятом уровне Кремля она предпочла прокатить мужа на орбиту на своем

транспортнике.

– Почему? – переспросила студентка с пятой парты. Она-то точно знала: на свою свадьбу она объемник снимет огого какой, чтобы с полным погружением хоть через тридцать лет можно было влезть обратно в свое свадебное платье и пережить заново мгновения счастья. Пусть и не в реальном пространстве.

Лектор улыбнулся и продолжил:

– А зачем пытаться выдать себя за звезду здесь, на Земле, если настоящие звезды – там, на небе? И они намного прекраснее, чем самая богатая свадьба с самыми дорогими развлечениями. Практически никто в ЦУПе не одобрил ее выбор, кроме, пожалуй, Сегуна, но и ворчать долго не стали, дело личное оставалось делом личным, а проект «Андромеда» был делом коллективным и отлагательств не терпел. Хотя пара разногласий, конечно, случилась. Ну да это и не было важным. Поднимите руки, кто с Третьего сюда прилетел учиться?

В воздух взметнулись ладони. Шестая часть аудитории, пятая... Иван Ефремович не стал считать.

– Видите? Вот что было важным. Не зря она работала. Не зря все мы работали. Когда впереди вся Вселенная, почти все остается позади. Кроме одного.

Он перевел дух и отошел за кафедру. Налить стакан воды. Аудитория взметнулась роем голосов: выходит, врут создатели объемника? А что еще оказалось скрыто за кадром?

Иван с каждым днем все больше очаровывался Лилией, хотя виду старался не подавать. Он понимал, что главный астронавигатор проекта – слишком занятая персона для цветов, свиданий под луной и незамысловатой влюбленности хромоногого консультанта по безопасности. Но разве в силах человека сдержать собственное сердце?

Лилия каждое утро начинала с того, что забегала к телеметристам, здоровалась с баллистиками, козыряла группе информационного обеспечения, слала воздушные поцелуи диспетчерам и неизменно приносила Сегуну громадную кружку крепчайшего черного кофе, щедро сдобренного корицей, ванильным сахаром и – самую чуточку – щепоткой кайенского перца, на кончике иглы, где ангелы с чертями танцуют твист.

Ивана она удостаивала искрометного приветствия и легкого поцелуя куда-то в край щеки. Как и добрую мужскую половину ГРОГУ – главной резонансной оперативной группы управления, куда стекались все данные, где принимались все решения. А потом этот рыжий мотылек с серо-зелеными глазами порхал к прямой линии связи с орбитой – и раздавал комплименты космонавтам и инженерам, занятым сборкой «Андромеды».

Иван никогда, ни словом, ни жестом, не выдавал чувств. По крайней мере, он так думал. В космосе нет места санти-

ментам. Сегун, глядя на его сосредоточенное молчание, хмурился и кривил левый уголок губ, вздыхал, морщился – и уходил в сторону. Пока Лилию у них обоих на глазах не пригласил на чашечку чая один из диспетчеров Центра управления полетами. Кайдэн, неплохой человек, немного амбициозный (крохотную малость!), немного заносчивый (все-го лишь капельку), но превосходный инженер-связист и, насколько Иван мог судить по своему вкусу на людей, мужчина с отнюдь не призрачными шансами на успех.

– Так и будешь в сторонке от рябинки стоять, дуб высокий? – хмыкнул Сегун, пихнув Ивана локтем в бок.

Военный пошатнулся, оперся на трость, невесело пошутит:

– Куда уж мне против тополя.

– А ты б попробовал, – сузил глаза руководитель проекта. – Вот, скажем, сегодня вечером придут данные по перевозке ключевого узла – резонансного двигателя для «Андромеды» – и мне позарез нужна будет консультация офицера по безопасности. Я-то домой уйду, а астронавигатору и диспетчеру придется задержаться...

Иван покосился на Сегуна. Помолчал мгновение и сказал:

– А смысл?

– Ты мне это брось, – взъерепенился Майских. – А то я очевидного не наблюдаю. Я в свое время руководил контрольно-измерительным комплексом Восточного, а когда привыкаешь данные в таких объемах анализировать, и про

людей много чего узнаешь ненароком. Я девке добра желаю, да и тебе тоже. Задержись сегодня, будь добр, а там уж сам решишь, не маленький.

Иван, испытывая немалый душевный трепет, конечно, остался.

Развернув поздно вечером на проекторном столике в самом центре ЦУПа – кабинете Сегуна – трехмерную карту маршрута подвоза резонансного двигателя и схему обеспечения его безопасности при доставке от завода до космодрома и отправки на орбиту, Иван принялся отмечать очевидные недочеты:

– Пробой в системе охраны здесь, здесь и здесь. Адреса-пароли-явки наверняка уже утекли на сторону, так что если вдруг кому потребуется дальномерный резонансник, вот он, лежит на блюдечке с голубой каемочкой.

– А я здесь зачем? – сумрачно спросил Кайден, глядя на обозначенные безоблачным цветом незабудки значки охраны. Ему не улыбалось задерживаться и обсуждать то, что его напрямую не касалось. Останавливал его только неопределенный ответ насчет чашечки чая.

– Вы будете сопровождать движок от башни до транспортника. Понятно, что вряд ли на последнем шаге кто-то рискнет уворовать ценную штуку прямо с космодрома, но я бы не исключал никаких вариантов, – пояснил Иван.

Еще час военный, астронавигатор и диспетчер, увлекшись Ивановой подозрительностью, играли в шпионов и искали

дырки. Нашли с десятков, которые сам Иван мог бы и пропустить.

– ... нет, не сюда. Смотри, если из подворотни вывернуть... – показывал Кайден на карту.

– Да ну, ты что, там же вход в Министерство обороны, думаешь, под носом у них засада будет сидеть? Это ж все равно, что карась вынырнет и по щекам хвостом рыбаку надает! – возмущалась Лилия.

– Кайден прав, – припечатывал Иван. – Наглость – второе счастье, а наглость плюс самомнение – первое.

Наконец, споры стихли. Основные проблемы нашли и устранили, пришло время проверить предположения.

– Прогнозник? – хитро улыбнулся Иван.

– Давай, – в один голос согласились Кайден и Лилия.

Нейросетевые модули прогнозирования реальности, обученные сотнями тысяч похожих ситуаций, использовали в космонавтике и в хост, и в гриву. Особенно ценили продукцию «Заслона» – одной из немногих корпораций по разработке, производству и поставке информационных и комплексных систем автоматизированного управления, программного обеспечения, приборостроения и микроэлектроники¹⁴, что работала всегда на совесть.

Прогнозник хитро моргнул проекцией, раз, другой, и выдал процентную вероятность успеха трех линий сопровож-

¹⁴ АО «Заслон» – о предприятия. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.zaslon.com/about/o-predpriyatii/>

дения резонансного двигателя. Кайден и Лилия с разочарованным вздохом откинулись на спинки своих кресел, а Иван улыбнулся.

Лилия с досадой вздохнула:

– Господи, Вань, что ж ты такой правильный? С тобой спорить – что прыщи давить или в носу ковырять: вроде и надо, и не надо, и неприятно, и хочется до нервной щекотки, хотя ты кругом прав...

Иван всерьез обиделся и тут же зарекся общаться с Лилией только на «вы», и только на канцелярски-штампованном наречии. Хочет гражданка с ним по-человечески разговаривать, так пусть человека в нем видит, а не форму с функцией.

Внизу, под обзорным окном Сегуна, диспетчеры спокойно трудились, обеспечивая доставки грузов на орбиту, контролируя траектории спутников и старенькой МКС. Над рядами голографических трехмерных проекций в центре ЦУП высилась трехмерная модель Земли со всеми спутниками и задачами в текущий момент времени, а венчал родную планету объемный великолепный репринт пражских курантов, во всех проекциях мировых часовых поясов по атомному времени: стартовала неделя Чешского мегалополиса. Смена ночных диспетчеров только начиналась.

– Ваш рабочий день окончен, – заледенев, объявил Иван и начал гасить проекцию, следуя протоколам безопасности.

Кайден надулся сердитым шариком и принялся злобно шипеть, недвусмысленно намекая на почти обещанный Ли-

лией чай:

– Как и твой.

Вместо ответа Иван молча продолжил обесточивать помещение, борясь с желанием не утопить пальцем очередную кнопку, а сжать кулак, и хорошенько так им пройти по въедливой физиономии.

Лилия упала в кресло, вытянула ноги и оттолкнулась от пола, покотившись вокруг проекторного столика.

– Кайден, иди домой, Вань, выключай тут все и спать, иначе вы друг дружку пристрелите занудством, а мне потом думай, куда трупы девать.

Кайден побледнел, посмотрел на невозмутимого Ивана, на Лилию, потирающую виски, на результаты прогнозника, где его конспирологические теории оказались в числе маловероятных, и, ни слова не говоря, вышел. Только нервное подергивание плеч и громкий стук шагов выдавали крайнюю злость и раздраженность.

Лилия опустила руку на подлокотник кресла и оживилась.

– Так. На свадьбу мне нужно будет...

– На чью? – прервал астронавигатора военный.

– На мою. И твою, – хлопнула ресницами Лилия, с недоумением поворачиваясь на стуле в его сторону.

– Но...

– Эти петушинные бои надо прекращать. Впрочем, если ты не хочешь...

Иван не мог поверить своим ушам. Бросил трость, схва-

тил кресло за подлокотники двумя руками, остановил, навис над Лилией и только хотел высказать ей все, что думает, как мир вокруг пропал. Остались только беспокойные серо-зеленые глаза и вызывающе-яркие веснушки на кончике носа. Она затаила дыхание – и Иван понял.

Бойтся его ответа, отчаянно, до дрожи в коленках бойтся, а потому напропалую дерзит, ерничает, хамит почем зря.

– Игра с ненулевой суммой¹⁵, да? – переспросил он.

– Я проиграла или мы выиграли? – негромко ответила Лилия вопросом на вопрос и прикусила губу, волнуясь.

Он бережно вытянул ее из кресла и больше ничего говорить не стал. Удивился только, что пахнет Лилия ландышами и сиренью, а хрупкую тросточку талии просто так не переломишь, как можно было бы переломить его трость, так что можно немного осмелеть. И еще немного. И еще...

На следующее утро Кайден подстерег его в подсобке. Иван заваривал две кружки кофе, сдержанно улыбаясь. Сидя на высоком барном табурете, он колдовал над сахаром, ванилью, корицей и молоком, пытаясь на запах угадать любимое сочетание Лилии.

Кайден подкрался и схватил трость военного. Иван повернулся к нему и ничего не сказал. Диспетчер явно себя не

¹⁵ Антагонистическая игра. – Википедия. Электронный ресурс. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BD%D1%82%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0

контролировал, а спорить с человеком в состоянии аффекта Иван не стал. Слишком много раз он такое видел.

– Ты... Ты... – задыхался Кайден, не понимая, что ему делать с отнятой у соперника тростью.

– Я, – согласился Иван. – Думал, это будешь ты.

– Тебя бы...

– На эшафот? – с грустным пониманием спросил Иван. – Я не против, Кайден. Но выбор делал не я. Даю слово.

В ответ диспетчер только сжал трость прочнее, до хруста в дереве – и в руках.

Иван посмотрел на Кайдена, перевел взгляд на свою ногу.

– Если ты сломаешь мою трость, я перестану считать тебя человеком. И дело не в том, что без нее мне сложно ходить. Это дорогая мне вещь. Возможно, мое мнение для тебя ничего не значит, но я должен предупредить.

Иван с усилием, стоном и гримасой слез со стула, выпрямился перед Кайденом во весь рост и оперся на обе ноги в неофициальной офицерской стойке разведроты «Альфа»: ноги на ширине плеч, руки сжаты в кулаки и скрещены перед собой на уровне солнечного сплетения. Послание недвусмысленное: тронь – и улетишь в другой конец Галактики.

Нога предательски подрагивала и адски болела. Но сдать Иван не мог. И просто вглядывался Кайдену в глаза, переламывая боль через решимость: кто ты? Достойный соперник – или не выросший до конца инфантильный подросток, что в порыве гнева учиняет мелкие пакости, не понимая,

которая из них станет фатальной? Что потом? Подложишь кнопку на стул? Насыплешь перца в нижнее белье? Пометишь сапоги, как мстительный кот?

Как никогда военный чувствовал свою беспомощную уязвимость. Он стоял перед Кайденом из последних сил и до самого их донышка понимал: он теперь инвалид. Отними палку – и что останется от его выдержки и чести? Через полторы минуты он рухнет на пол, через пять – сломает себя и попросит у Кайдена руку, помочь подняться, ведь что бывает без трости Иван уже узнал и смирился, а ползти через весь коридор к выходу и охране – еще более унижительно, чем искать у врага сочувствия. Но читать душещипательные нотации о своей нелегкой судьбе Иван не собирался. Просто ждал, пока Кайден усмехнется, хрустнет тростью об колено и уйдет, чувствуя себя отмщенным.

Диспетчер, судорожно сжимая единственную опору военного в руках, кривил губы и смотрел в ответ Ивану в глаза. Взгляд не отводил. Когда Иван готов был перенести вес на правую ногу, давая слабину, Кайден опустил глаза и столь же медленно опустил трость. Глухо спросил:

– Ей расскажешь?

– Нет.

– Не знаю, что на меня нашло. Возьми.

Иван осторожно принял трость, поставил ее на пол, расслабился, подавил вздох. И протянул Кайдену руку:

– Забудем?

– Забудем, – согласился диспетчер, но на рукопожатие не ответил. – Ты... Обещай, что она будет счастлива.

Иван чуть было не фыркнул от банальности просьбы, но насмеяться над диспетчером сейчас было бы ровно тем же моральным избиением инвалида, что он сам чуть не пережил минуту назад. И военный сдержался.

– Обещаю.

Свадьба была негромкой, но запоминающейся: перед регистрацией брака невеста отвезла жениха напрямиком на орбиту Земли.

Глядя на медленно обрастающий плотью и кровью шаттл «Андромеда», Иван негромко поинтересовался:

– Я много стресс-тестов прошел в свое время. Это один из них?

Лилия качнула головой.

Иван уточнил:

– Так ты выйдешь за меня?

– При одном условии.

Иван приподнял правую бровь в немом вопросе. Впрочем, он догадывался, чего может попросить эта невероятная женщина. Лилия улыбнулась и не обманула его ожиданий:

– Мы будем принимать решения вместе, но порознь.

– Это как? – склонил голову набок Иван.

– Это так. Я прихожу к тебе советоваться, если не уверена, за поддержкой, когда она мне нужна, похвастаться или пострадать тебе в плечико. Но не буду просить решать за меня.

И ты за меня ничего не решай. Договорились?

– Договорились. А обратную силу этот договор имеет? – подхватил ее улыбчивую серьезность Иван, глядя кончиками пальцев непослушные веснушки на носу.

– Безусловно, – кивнула Лилия, и хитринка в ее глазах заплясала, заиграла отсветами уходящего солнца. – Твои письма, друзья и звонки останутся твоими, по карманам клянусь не лазить, на часы вечером после посиделок ты смотреть умешь, не маленький...

– А как же маникюр, шубы, цветы и золотое колечко? – подхватил военный игру в штампы о женщинах и мужчинах.

– На твое усмотрение, – хихикнула астронавигатор. – Помни только, что здесь шуба нужна раза три за всю зиму, из них два – просто пофорсить, к золоту я равнодушна, предпочитаю серебро, цветы мне нравятся живые на клумбе, а не мертвые в вазе, а длинные ногти я ненавижу с музыкальной школы. Мешают, ты понимаешь! Нажимаешь клавишу, а там сначала костяной призыв, а потом нота, будто не я, а мой скелет на пианино играет. Бр-р-р!

Иван не выдержал и схватил невесту за руку. Большого в тесном транспортнике он сделать не мог. Как есть ведьмочка! Рыжая, веснушчатая, и глаза отчаянно-весенние: светло-серые с яркой прозеленью, будто смотришь сквозь первые березовые листочки на небо, что хмурится свежим апрельским дождем.

Иван Ефремович поставил опустевший стакан на преподавательский стол и стукнул тростью об пол. Разговоры стихли.

– Все решаемо, как я уже говорил. Кроме одного. Кроме выбора другого человека. Кроме жизни другого человека. Сегун много говорил нам про ответственность. Про долг перед человечеством, про долг перед самими собой. Как будто я сам не отдавал этот долг!

Преподаватель поморщился и снова стукнул себя по ноге, словно окорачивая эмоциональность. Но студенты увидели обратное. Иван Ефремович на секунду застыл, затем с горькой ноткой произнес:

– Если бы я мог взять на себя не свое решение... Но я обещал. Весь ЦУП обещал, чтобы вы знали, следовать протоколам безопасности, чего бы это ни стоило. Хитрая бес-тия! Лилия всерьез полагала, что может случиться момент, когда ее голос перевесит человечность в пользу протоколов безопасности – и была права.

Иван Ефремович посмотрел в пустой стакан и перевел взгляд в окно, наливающееся вечерним сумраком.

– Не мешай мне совершать подвиги!

– Да какие могут быть подвиги у инженеров! – фыркнул Иван.

– Такие же, как у любого другого профессионала, – без тени улыбки произнесла Лилия. – Ты военный. Твои подвиги – перед начальством и отечеством, перед самим собой и теми, кого ты защищаешь, передо мной, в конце концов. А я – инженер, ученый, астронавигатор. Человек. Если у меня будут подвиги, то перед собой, тобой, наукой и человечеством. Чувствуешь общие точки?

Она улыбнулась, отчего веснушки на лбу, щеках и скулах заплясали, засияли, освещенные огоньком, зажегшимся в серо-зеленых глазах.

– Сделай лучше чаю, Вань. А с меня плюшки.

– Как в прошлый раз? – добродушно переспросил Иван. – Еще не вся копоть выветрилась.

– Да ну тебя!

Лилия шутливо пихнула его в плечо, совершенно не обидевшись, и Иван, улыбнувшись, пошел ставить чайник. Инженерные подвиги... Придумает же, ведьмочка в веснушках!

– Завтра новый прогнозник будем тестировать.

– Зачем, Лиль?

– Будем проверять нового поставщика. Заслоновцы – ребята ответственные и основательные, их программы никогда нас не подводили, но ты же сам понимаешь, всегда надо иметь запасной вариант.

Он подошел к ней со спины, обнял за талию и положил голову на плечо, смотря на их общее отражение в зеркале.

– Это не опасно? Может, на автоматике какой сначала

проверить? Зачем на живом человеке, тем более – на тебе?

– Опасно, конечно. Но, во-первых, на автоматике уже проверили, во-вторых, такова суть науки и прогресса: всегда нужно пробовать что-то новое. Доверять новому, проверять новое, иначе не будет развития, а стагнация —самая страшная вещь. Но ты прав. На самом деле все проще и прозаичнее – кто-то продавил ложный тендер на замену программного обеспечения, я уж не знаю, кому выгодно было «Заслон» подвинуть. Жалко, что и на заре двадцать третьего века если все время играешь по правилам – время от времени проигрываешь, – Лилия вздохнула, вскинула голову и задорно улыбнулась в зеркало, от чего все ее веснушки снова заплясали, заиграли солнечными бликами на лице. – Не волнуйся, слетаю один раз, сравним полетные треки... Уверена, я найду сто причин, почему не надо доверять проект особого значения тем, кому выгода важнее дела. И потом, ты все знаешь, что я могу тебе сказать об опасности. Из дому выходить – опасно, в магазин ходить опасно, жить вообще опасно, от этого, говорят умирают.

Он развернул ее к себе, поморщился и слегка щелкнул по носу.

– Не ерничай, я же серьезно.

– И я серьезно, Вань.

Она вывернулась из его рук, встала напротив, уперев руки в бока, шутливо, но с ноткой серьезности переспросила:

– Ты действительно перед вылетом хочешь поссориться,

да?

– Нет. Но... – он с беспокойством нахмурился и попытался рассказать ей свою правду: – Послушай. Я очень боюсь за тебя, седьмой у тебя полет или семисотый.

– Семьсот тридцать второй.

– Да хоть тысячный.

– Столько не потребуется, осталось по прикидкам раз тридцать на орбиту сползть...

– Да послушай же! – не выдержал Иван и тут же смягчился. – Извини. Я не хотел тебя обижать. Просто ты бы знала, что у меня на сердце, когда я смотрю на твои старты. Моя воля, свернул бы тебя калачиком, обвязал шпагатом и не выпускал никуда. Или выпускал на веревочке – и сразу назад.

Лилия вздохнула, подошла, обняла его, прижалась к груди. Глухо заговорила.

– Знаю. Знал бы ты, что я думаю, когда ты в свои рейсы к Первому или Второму улетаешь. Я одни и те же вопросы себе задаю: зачем в мире без войн нужен Объединенный астродесант? Почему у тебя на первом месте миссии, а я – только на втором? Молчи, – она, почувствовав, как Иван набрал в грудь воздуха для возражений, подняла на него глаза и приложила тонкий палец к его губам. – Раз уж начала, так скажу до конца. Почему я никогда не бывала дальше орбиты? А ты порой где-то там, посреди пустоты, в самом опасном для человека месте – в космическом ничего в сотнях световых лет от меня? И ладно бы это были межзвездные бандиты или

кровожадные инопланетяне – но нет. Ты уходишь в пустоту, оставляешь меня позади и не оглядываешься, потому что это твой долг. Твоя честь. Твоя жизнь. А я когда улетаю, всегда помню, что впереди у меня перед глазами через шесть минут и сорок три секунды будет целая Вселенная, а за спиной – осталась еще одна. Ты. Потому и возвращаюсь. Как на веревочке. Сразу назад. У меня нет такого выбора – не вернуться. Но ты... Ты научил меня уходить без сожалений, чтобы потом с легким сердцем повернуть обратно.

– То есть тебе все равно, что я переживаю за тебя? – с обидой переспросил Иван. – Ты так просто прощаешься и возвращаешься...

– Ты не понял, – терпеливо пояснила Лилия. – Не «просто». Ты научил меня тому, как отпускать тебя и уметь без тебя жить. Как прощаться с тобой навсегда, и в то же время на одно мгновение. Ведь ты-то никогда не даешь мне обещаний вернуться, а когда возвращаешься – словно разлуки и не было! А теперь ты вменяешь мне в вину, что я не даю таких обещаний тебе?

– Она привыкла к подвигам. Она привыкла к тому, что муж ее отпускает, к тому, что ее безупречность не знает границ. К тому, что ошибок не бывает, к тому, что вокруг все увлечены делом. Космосом. Андромедой. Сколько раз ей говорили, что она в розовых очках, что нельзя верить в чело-

вечество и человечность... А она все равно верила.

Лектор посмотрел на студентов, и им показалось, будто он видит сейчас перед глазами совсем не лекционную аудиторию.

– Лиль, координаты неправильные! Ошибка! Запускай автопилот и эвакуируйся!

Через секундную паузу и редкий треск помех раздался собранный спокойный голос:

– Или?

– Сгоришь. Угол крена...

– Сместит обшивку, и та направит выхлоп прямо мне в зад. Ясно. Почему ошибка?

– При считке чертежей прогнозник поставил точку в погрешности после третьего нуля. Должен был после первого.

– Рассчитай трек с автопилотом без меня.

– Лиль, время!

– Так быстрее, пень махровый!

– Посадка на поверхность. С той же ошибкой.

– То есть взрыв вверху или взрыв внизу. Где?

Кайдэн вывел мелкомасштабную голограмму прогнозирования с экрана на трехмерную проекцию. Приблизил конечную точку, болезненно зажмурился. Отошел от стола и закрыл глаза руками: если Лилия эвакуируется, транспортник вместе с листом обшивки упадет на космодром. Или на город

рядом. Дежурные боевые флаеры не смогут сбить его ракетами – элементы обшивки делали на совесть, и транспортник, словно танк, защищен с трех сторон. Просить пилота делать «бочку», чтобы ударить снизу – гарантированное самоубийство, и делу не поможет.

– Чертов Канаверал! Лучше б с Восточного запускались, там тайга кругом, – зло бросил Иван и отобрал у Кайдена гарнитуру. – Лиль, прогнозник дает область на тридцать квадратных километров. Точнее сказать невозможно.

– Кто в центре?

– ЦУП, – нехотя вымолвил Иван. Врать Лилии он категорически не хотел.

– А если...

Она не стала продолжать. И без слов было все понятно. С прогнозником военный обращаться умел, да и сколько раз видел, как работают инженеры систем космической связи.

Он откатил прогнозный трек к предыдущей траектории, довел до точки нарушения равновесия и скомандовал:

– Рассчитать.

– Неустановленный пользователь, голосовая команда отклонена, – сообщил мелодичный женский голос.

Иван не колебался. Бросил в микрофон короткое:

– Секунду!

Отключил гарнитуру, схватил Кайдена, немым столбом застывшего неподалеку, за грудки и хорошенько встряхнул.

– Ты все еще ее любишь? Любишь, я знаю. Командуй.

– Нет. Ты хочешь ее убить!

– Я? Меньше всего на свете. А вот больше всего сейчас я хочу убить тебя. И тех, кто новый прогнозник сюда поставил. Не делай за нее выбор. Командуй!

– Н-н-не... Я... Да пошло оно все! Рассчитать.

Глядя на новую траекторию, Иван колебался. Он не мог позволить Лилии – его Лилии! – умереть из-за глупой ошибки. Но и обмануть ее он не мог.

Он включил гарнитуру.

Лилия немедленно отозвалась на щелчок:

– Вань... Океан?

– Да. Нет!

– Что важнее, я или сотни других?

– Ты. Не смей!

– Это был риторический вопрос, – слышался короткий смешок. Пауза. – Вань... Прости. Ты знаешь, я впервые пообещала тебе вернуться. Зря. Похоже, обещания я не сдержу. Но это мой долг и моя честь. Мое решение. Мой инженерный подвиг. Просто живи дальше, понял?

– Я люблю тебя.

– Я знаю.

И связь отключилась в одностороннем порядке. Больше Лилия не откликалась на позывной.

– Я был в Центре управления полетами в тот день. И видел

все своими собственными глазами. Она никогда ни с кем не прощалась, потому что считала, что если уходишь на миг – считай, что уходишь навсегда. Но именно в этот день она пообещала вернуться. Дальше вы понимаете.

Лектор замолчал, отвернулся от студентов, отошел к окну. Перед его глазами одна за другой менялись вспышки памяти.

Как затопило холодным предчувствием сердце и ослабели ноги.

Как он беспомощно следил за взмывающим вперед и вверх транспортником.

Как в закатном свете аппарат вспыхнул алым огнем – и беспомощно упал пламенеющими в небесной синеве лепестками роз в море. Не спасти. Не подхватить. Не забыть.

Как он сам упал вместе с ним на колени, не в силах принять увиденное.

Как, подняв взгляд, хотел со всего размаху ударить в каждое участливое лицо, нависшее над ним – и сдержался. Потому что увидел в глазах Кайдена, диспетчеров, инженеров-космотехников отражение себя самого: ошеломление, пустоту, призрак горя, что через пару мгновений захлестнет все их души и сердца целиком на долгие годы.

Как он вглядывался потом до рези под веками, до застилающей взгляд пелены в случайную точку на чертеже, что стала точкой в жизни Лилии, пока крохотный след на бумаге не стал расплывчатым огромным пятном – и только тогда понял, что это слезы. Дурак был, смахнул их, закаменел –

мужчины не плачут, военные – тем более.

Как ему хотелось потом заплакать еще раз! Но он не смог.

Даже на похоронах, кидая горсть земли в крышку гроба и слушая, как комья бессильно скатываются по ней вниз, глухо обозначая звонкую пустоту. Его Лилии там не было.

Даже когда подал прошение об отставке, готовый к длинной беседе и объяснению причин – но командир ничего не стал спрашивать. Иван остался ему бесконечно благодарен.

И даже когда ровным голосом рассказывал следователю о том, что видел и слышал за те злополучные шесть минут, хотя внутри все рвалось на части от безысходной тоски.

Лишь единожды голос дрогнул – когда он после этого разговора забирал единственную уцелевшую вещь. Брелок из интерметаллида серебра и титана, тонкую круглую пластину с рельефной гравировкой: схематичное изображение атома с бегающими вокруг него электронами, и шестеренки вокруг его ядра. Права была Лилия. Будь прогнозник прежним, проверенным, ничего бы не случилось. Да что теперь сделаешь...

Иван не успокоился, пока не слетал на Третий сам – посмотреть на тысячи лун нового мира, на луны и мир, которых Лилия так и не увидела.

Вернувшись, он проверил, чтобы все ключевые узлы предполетной подготовки, программное обеспечение Центра управления полетами и прогнозных нейросетей проектировал и проверял «Заслон». И ушел преподавать, одномо-

ментно обрубив все, что связывало его с резонансной космонавтикой. Все рабочие связи, всех друзей. Запретил себя упоминать в учебниках и статьях, постарался удалить все упоминания о себе в связи с именем Лилии, был муж – и был, кто его знает, как его звали.

Чтобы везде оставалась только она.

Но отсечь себе память о прошлом – и половину души – он так и не смог. Жил дальше, потому что она бы жила, потому что велела бы жить – и не жил, ведь с половиной сердца не живут...

Наливалась вечерней глубиной и догорающим закатным огнем небесная высь, чертили небо юркими стрелами стрижи, пронзая его быстрыми острыми криками – и от каждого их позывного зажигалась на небосклоне новая звезда.

Иван Ефремович, поняв, что пауза затянулась, а тишина в аудитории стала просто оглушающей, обернулся. Он не будет делиться со студентами своей болью. Она принадлежала ему, и будет ему принадлежать до конца дней, и он не хотел ее отпускать. Как Лилию, и тогда, и сейчас. Но лектору и без того найдется, что сказать.

– Оленька, не повторяйте ошибок прошлого, пожалуйста. Лилию ведь ждали дома. Муж ее ждал, верил, что она вернется в семьсот тридцать второй раз, потому что она всегда до этого возвращалась, хотя никогда вслух не обещала вернуться. Он всегда хотел ее остановить и не позволить. Но всегда отпускал. Знаете, почему? Потому что самый страш-

ный враг для человека – после другого человека, разумеется – это он сам. Это лень, глупость, трусость, стагнация и стремление подчинить своих родных себе и своим решениям. Подумайте вот о чем: вы на своего молодого человека сейчас сорвались, потому что боялись за него. Наговорили глупостей, вам плохо, ему, поверьте, не лучше. Он не может отказаться от своей службы, но если откажется вам в угоду, поломает себя – будет ли это тот человек, которого вы выбрали? А если не откажется – каково ему будет на душе, если вы на такой ноте расстанетесь?

Иван Ефремович сделал паузу, давая время Оле и студентам осмыслить его слова, и подвел черту:

– Поэтому если у вас есть душевные силы дать выбор, позволить сердцу близкого человека не разрываться между любовью, долгом, честью и совестью – так будьте сильными. Отпускайте.

Иван Ефремович замолчал, вспоминая, как отпустил Лилию. Как она взлетела по трапу – яркая, светлая, быстрая. Обернулась, посмотрела ему прямо в глаза, хотя откуда ей было знать, где он стоит. Улыбнулась, бесшабашно, весело, одними губами что-то беззвучно шепнула, а он понял: пообещала вернуться. Единственный раз. Первый и последний.

Дрогнула туго натянутая струна в глубине сердца: Лилия научила его жить, но так и не рассказала, как это – жить без нее. Он до сих пор на нее злился: обещания-то она не сдержала. Любил. Скучал очень. И до сих пор не мог отпустить ее

из мыслей, сердца и снов. Как она могла бросить его одного? И все равно он советовал сейчас студентам делать то же, что и он сделал когда-то – давать свободу выбора. Отпускать.

– А откуда вы в таких подробностях все знаете? – поинтересовался с галерки звонкий любопытствующий голос.

Лектор, словно очнувшись, хмыкнул и опустил голову, уводя внимание прочь от очевидного ответа.

– Знаете, – с хитринкой посмотрел он на аудиторию иско-са, – наше сердце, наша душа – самая чуткая вещь в этом мире. Мы способны точнее любого прогнозника радоваться и тосковать, беспокоиться и улыбаться, ненавидеть и любить. Наша с вами беда только в одном: мы уверены в ламинарности момента. В том, что привычная жизнь никогда не закончится, в том, что те, кто идут в потоке времени вместе с нами, всегда будут рядом. Что родители никогда не уйдут, что друзья никогда не предадут, что любимых мы не отпустим до последнего вздоха, так и будем держаться за руки, чтобы умереть в один час, и обязательно вместе. И если мир вокруг ненароком ломается, мы пребываем в таком изумлении, негодовании и страхе, что частенько и не помним, что секунду назад сами хотели все попереломать и поменять.

Иван Ефремович вскинул голову и улыбнулся:

– Я вам одну очень важную вещь скажу. Нет ничего важнее в жизни, кроме нее самой. Берегите себя, берегите жизнь и здоровье близких. А если вдруг вам захочется оставить кого-то за спиной, звонко хлопнув дверью, помните, что каж-

дое ваше слово может оказаться последним. Вполне может стать, что и возвращаться будет некуда и не к кому. Так что, говоря, в самом уголке сознания держите за хвост мысль о том, что вот эти слова вы можете оставить за собой навсегда, их ли вы хотите помнить? Или чтобы вас по ним помнили?

Аудитория окаменела, вдалеке зазвенел звонок, но никто не тронулся с места.

– Не смею более отнимать у вас время, – еще раз улыбнулся лектор. – Увидимся через неделю.

Иван Ефремович наблюдал, как поток молодежи вытекает из лекционного зала. Молчаливые, задумчивые. Может, зря он все это рассказывал? Вскоре полноводная река иссохла. Последней выходила Ольга, неловко поблагодарив лектора. Иван Ефремович слегка кивнул – не за что – и выглянул в коридор.

Там, подле двери в аудиторию, стоял молодой человек в серо-синей форме Объединенного астродесанта. Широкоплечий, коротко стриженный, с двумя звездами на погонах. Нешуточное беспокойство выдавали только смятая донельзя обертка на букете из ярко-алых роз, что военный сжимал в руках, да немалая тревога в серых глазах.

Почтительно расступаясь перед незыблемым оплотом спокойствия и уверенности, последними каплями испарялся ручеек студентов. Что примечательно – без обычного ехидства и шуточек. Ольга, на мгновение застыв на пороге лекто-

рия, медленно подошла к военному, вынула из его рук цветы, положила в сторону, на подоконник, и обняла.

Лектор понимающе усмехнулся в усы, глядя на то, как она со всей силы вжалась в молодого человека и его форму, не позволяя ни двинуться, ни вдохнуть. Иван Ефремович знал, что Ольга слышит сейчас только одно: стук сердца и дыхание самого родного человека в своей жизни. А тот подхватил судорожное объятие и только растерянно гладил Олю по растрепавшейся волне русых волос, не понимая, что ему делать. Утешать? Целовать? Молчать вместе с ней?

Лектор вышел из аудитории, слегка улыбнулся, приложил к плечу три пальца и дернул подбородком вверх, приветствуя младшего по званию. Астродесантник вытянулся, насколько ему позволяла прильнувшая к груди девушка, чуть заметно кивнул в ответ. Иван Ефремович ностальгически вздохнул: что в его бытность военным, что сейчас, традиции не меняются – к пустой голове руку не прикладывают. И слегка прищурился, одними глазами отпуская молодежь: вольно, младший лейтенант. У тебя сейчас есть дела поважнее.

И показалось лектору, что уйдет парочка из Межпланетарного университета последней. Когда погаснет закат, растворив среди бездонной синевы и ярких точек звезд последнее темно-оранжевое отблески солнца. Когда молчание сменится словами. Когда последнюю слезинку осторожно сотрут с девичьей щеки. А поздней-поздней ночью, как только сам Иван Ефремович соберется покидать кафедру, на подокон-

нике будут укоризненно пламенеть вслед влюбленным неза-
служенно ими забытые алые лепестки роз. Их профессор
сможет спасти. И спасет.